

С. МАРШАК

**ДВЕНАДЦАТЬ
МЕСЯЦЕВ**

С.Я. МАРШАК
1887 - 1964

My Shared

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

— Двенадцать.

А как их зовут?

— Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу еще не бывало так, чтобы февраль пришел раньше, чем уйдет январь, а май обогнал бы апрель. Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу. Как же это случилось? А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни сделает падчерица — все не так, как ни повернется — все не в ту сторону. Дочка по целым дням на перине валялась, да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и присест некогда было: то воды натаскай, то хворосту из лесу привези, то белье на речке выполощи, то грядки в огороде выполи. Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шел январь месяц. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгрести лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер. Люди видели в домах и топили печки. В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метет вьюга, а потом вернулась к теплой печке и сказала падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников.

Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху
девочка: шутит она или
вправду посылает ее в лес?
Страшно теперь в лесу! Да и
какие среди зимы
подснежники? Раньше марта
месяца они и не появятся на
свет, сколько их ни ищи.
Только пропадешь в лесу,
увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:
— Если и пропадешь, так
плакать о тебе никто не
станет. Ступай да без цветов
не возвращайся. Вот тебе
корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей. Ветер снегом ей глаза порошит, платок с нее рвет. Идет она, еле ноги из сугробов вытягивает. Все темнее становится кругом. Небо черное, ни одной звездочкой на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега. Вот и лес.

Тут уж совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Все равно, думает, где замерзать.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонек — будто звезда среди ветвей запуталась. Поднялась девочка и пошла на этот огонек. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. "Только бы, — думает, — огонек не погас!" А он не гаснет, он все ярче горит. Уж и теплым дымком запахло и слышно стало, как потрескивает в огне

хворост. Девочка прибавила шагу и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костер горит, чуть ли не до самого неба достает. А вокруг костра сидят люди - кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков еще того меньше: вон они какие нарядные — кто в серебре, кто в золоте, кто в зеленом бархате. Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое — совсем еще мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики — поодаль. И вдруг обернулся один старик — самый высокий, бородатый, бровастый - и поглядел в ту сторону, где стояла девочка. Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает ее старик громко: — Ты откуда пришла, чего тебе здесь нужно?

Девочка показала ему свою пустую корзинку и говорит: — Да, нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

— Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

— Не я выдумала, — отвечает девочка, — а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзиной домой возвращаться. Тут все двенадцать поглядели на нее и стали между собой переговариваться. Стоит девочка, слушает, а слов не понимает — будто это не люди разговаривают, а деревья шумят. Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

— Что же ты делать будешь, если не найдешь подснежников? Ведь раньше марта месяца они и не выглянут.

— В лесу останусь, — говорит девочка. — Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замерзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала. И вдруг один из двенадцати, самый молодой, веселый, в шубке на одном плече, встал и подошел к старику:

— Братец Январь, уступи мне на час свое место!

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

— Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля.

— Ладно, уж, — проворчал другой старик, весь лохматый, с растрепанной бородой.

— Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо ее знаем: то у проруби ее встретишь с ведрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей помочь. — Ну, будь, по-вашему, — сказал Январь.

Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у березы
Не грызите кору!

Полно вам воронье Замораживать,
Человечье жилье Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими, мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черед, братец, — сказал Январь и отдал посох меньшему брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,

Дуйте что есть мочи!

Вихри, вьюги и бураны,

Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,

Вейтесь над землею.

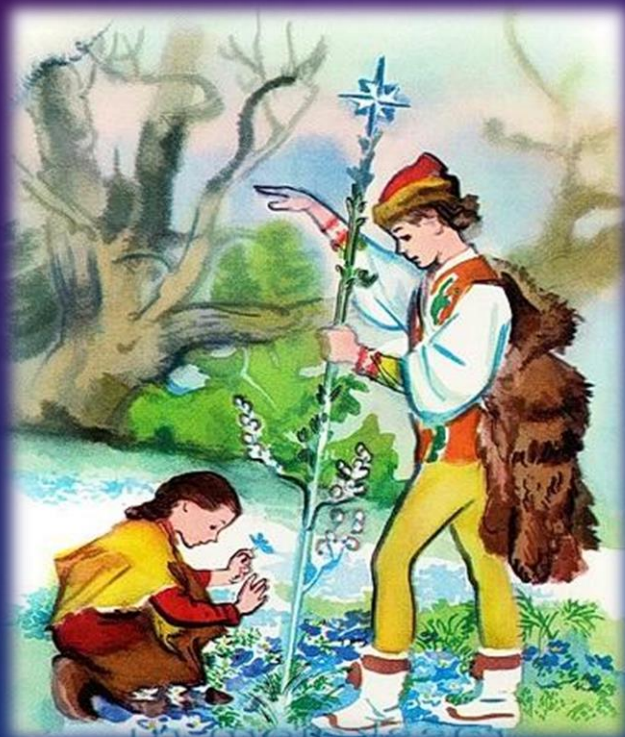
Пусть бежит в полях поземка Белою змеею!

**Только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный,
мокрый ветер. Закружились снежные хлопья,
понеслись по земле белые вихри.**

**А Февраль отдал свой ледяной посох младшему
брату и сказал:**

— Теперь твой черед, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил о землю. Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками. Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

**Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвел подснежник.**

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке! Под ногами у нее — мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течет, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под темной кожуры первые зеленые листики. Глядит девочка — наглядеться не может.

— Что же ты стоишь? — говорит ей Март.

— Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу
подснежники искать.

А их видимо-невидимо! Под кустами и
под камнями, на кочках и под кочками —
куда ни поглядишь.

Набрала она полную корзину, полный
передник — и скорее опять на полянку,
где костер горел, где двенадцать братьев
сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет...
Светло на поляне, да не по-прежнему.
Не от огня свет, а от полного месяца, что
взошел над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой. А месяц за нею поплыл. Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей — и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

— Ну, что, — спросили ее мачеха и сестра, — уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка все, как было. Слушают они обе и головами качают — верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше тебе ничего месяцы не дали?

— Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура, так, дура! — говорит сестра.

— В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретила, а ничего, кроме подснежников, не выпросила! Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблок да груш сладких, у другого — земляники спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвертого — свежих огурчиков!

— Умница, доченька! — говорит мачеха.

— Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы это и сколько бы денег выручили!

А эта дурочка подснежников натаскала!

Одевайся, дочка, потеплее, да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

— Где им! — отвечает дочка, а сама — руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

— Рукавички надень, шубку застегни!

**А дочка уже за дверью. Убежала в лес!
Идет по сестриным следам, торопится.
Скорее бы, — думает, — до полянки добраться!
Лес все гуще, все темней.
Сугробы все выше, бурелом стеной стоит.
Ох, — думает мачехина дочка, — и зачем только я в лес
пошла!
Лежала бы сейчас дома в теплой постели, а теперь ходи
да мерзни! Еще пропадешь тут!**

**И только она это подумала, как увидела вдалеке огонек —
точно звездочка в ветвях запуталась.**

**Пошла она на огонек. Шла, шла и вышла на полянку. Посреди
полянки большой костер горит, а вокруг костра сидят
двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо
беседуют.**

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где пожарче, и стала греться. Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

— Ты кто такая? — спрашивает.

— Откуда взялась?

— Из дому, — отвечает мачехина дочка.

— Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали.

Вот я и пришла по ее следам.

— Сестру твою мы знаем,

— говорит Январь-месяц,

— а тебя и в глаза не видали.

Ты зачем к нам пожаловала?

— За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль-месяц — огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц — орехов спелых. А Октябрь...

— погоди, — говорит Январь-месяц.

— Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко еще до июня-месяца. Я теперь лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

— Ишь, какой сердитый! — говорит мачехина дочка.

— Да я не к тебе и пришла — от тебя, кроме снега да инея, ничего не дожدهшься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

— Ищи лета зимой! — говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба заволокла и деревья и полянку, на которой братья-месяцы сидели.

Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает. Испугалась мачехина дочка.

— Перестань! — кричит.

— Хватит!

Да где там!

Кружит ее метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело ее снегом.

**А мачеха ждала-ждала свою дочку, в окошко
смотрела, за дверь выбегала - нет ее, да и
только.**

Закуталась она потеплее и пошла в лес.

**Да разве найдешь кого-нибудь в чаще в такую
метель и темень!**

**Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама
не замерзла.**

Так и остались они обе в лесу лета ждать.

**А падчерица долго на свете жила, большая
выросла, замуж вышла и детей вырастила.**

И был у нее, рассказывают, около дома сад — да такой чудесный, какого и свет не видывал.

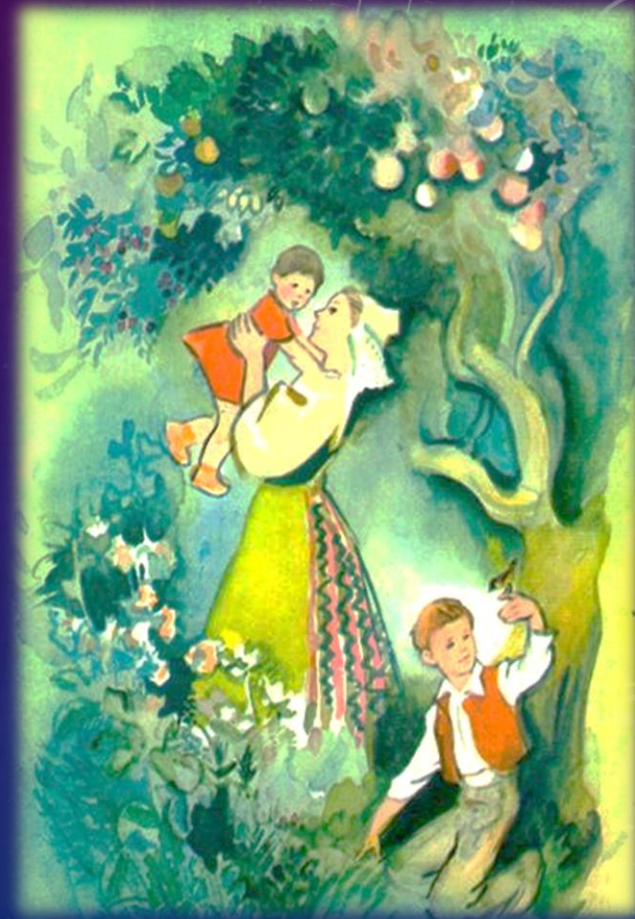
Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши.

В жару было там прохладно, в метель тихо.

— У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят!

— говорили люди.

Кто знает — может, так оно и было.

КОНЕЦ